

Новые Известия - 2001 - Июнь - с. 7.

Мы были молоды, девки красивые...

Ольга НИКОЛАЕВА,
Александр НИКОЛАЕВ,
для «Новых Известий»

— Сергей Евгеньевич, в последней книге «Коридор» вы предстаёте в непривычной для читателя ипостаси — легкая, изящная проза, не рвущая душу и нервы, оставляющая ощущение нежности, теплоты и добра.

— Спасибо, но, по-моему, эта книга непопулярная, рассчитанная на очень узкий круг. Ничего особенного, маленькая такая русская «Сага о Форсайтах».

— Так это же замечательно. Кстати, вы не могли не обратить внимание, что многие писатели вашего поколения и чуть постарше публикуют ныне сочинения именно мемуарного характера.

— Потому и литературы нет. Ну кому интересны предки, полупредки... Литература должна быть очень яркой, в ней обязательно должно присутствовать то, что до тебя не было рассказано, и о чем никто другой не сможет написать. Вот зарубежные писатели понимают, что слово «искусство» сродни понятию «искусственно». И они стараются увлечь читателя, отсюда у них блистательные сюжеты, наполненные каким-то странным воздухом. Взять хотя бы роман «Парфюмер» Патрика Зюскинда. Мой сверстник, горбатый, некрасивый, полудулый филолог средней руки, и вдруг пишет такое... Его перевели почти на сто языков, голливудские режиссеры бьются за право экранизации, но никто не может понять, как это сделать.

А нашим литераторам кажется, что что бы они ни написали, получится как выдох на устах у стеклодува. Нет, такое может позволить себе разве что Белла Ахмадулина, гениальная, знаковая фигура. Больше — никто, ведь мы в большинстве своем — люди ограниченных возможностей и должны ломать голову, с какой целью напрягаем читателя, заставляя тратить свое время на чтение. Поверьте, я себя несколько не признаю.

— Положим, вам не след жаловаться на отсутствие новизны и тем, и сюжетов ваших повестей.

— Согласен. Тем не менее «Смирненное кладбище» сочинит любой, поработавший могильщиком и обладающий неким версификаторским умением. «Коридор» — другое дело, это моя самая любимая книга, и писать ее было сложнее всех остальных. В ней я задумал рассказать о своем роде самому себе.

— Коли задача столь локальна, зачем тогда публиковать?

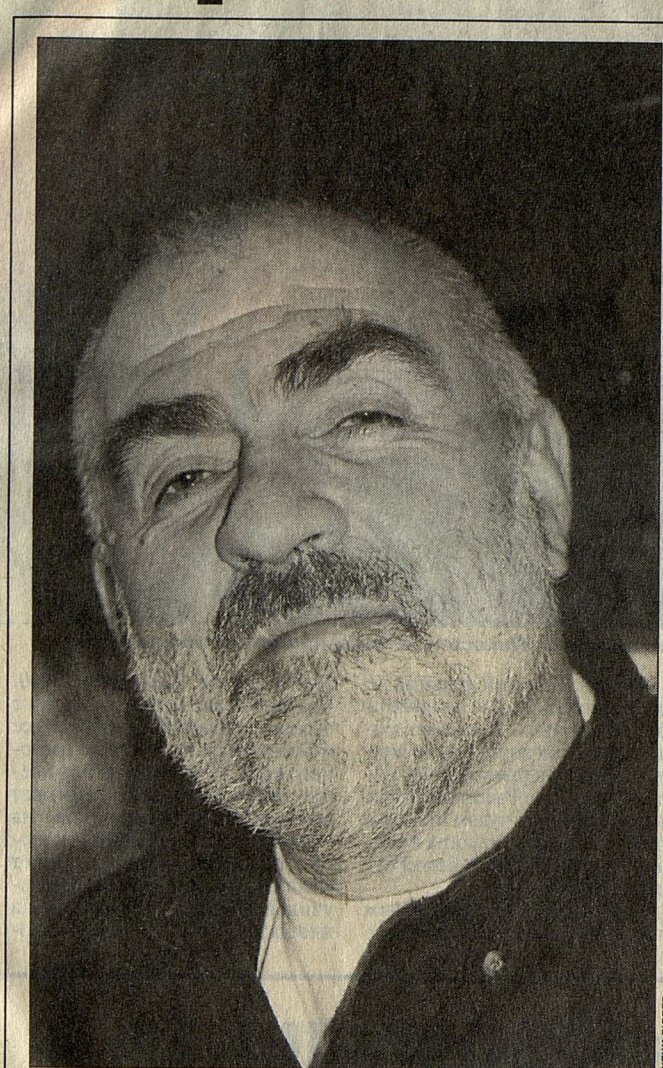
— Да потому что, с другой стороны, хотелось, чтобы остался какой-то памятник родине, на любовь к которой я был заряжен с детства. Они, наверное, весьма средние, бессмысленные, ненужные люди, что называется, балласт истории. Но в то же время этот балласт составляет ее почву. Меня вообще всегда привлекали маленькие люди, о которых вроде и доброго слова сказать нельзя.

— Объясните, что могло побудить студента Литинститута работать на кладбище? Профессиональный интерес? Неужели не было жутко?

— Никакого специального интереса не было, просто так сложились обстоятельства. Друг мой там работал, но это длинная история. Что касается жутких моментов, когда сердце дергалось даже у закоренелых пьяниц-могильщиков, когда казалось, что мир рушится, то их запомнилось несколько. Однажды малое дитя хоронили, а как-то — молодую красивую девушку, которая всего лишь неделю назад до этого приходила и просила за могилой близких ухаживать. И вдруг привозят ее в гробу...

— А потом книгу писать было страшно или чувствовали освобождение?

— Ни того ни другого. Прежде всего я знал, что обладаю информацией, которой нет ни у кого из пишущих. Было ощущение приоритетности. Вы спросили о кладбище, но стройбат пугающее будет, не дай Бог туда попасть. Это то же, что тюрьма. Невыносимо психологически и во всех других смыслах. Ненормативность отношений, условия скученного существования, не-присущие нормальному человеческому времяпровождению. В этом плане на кладбище было блистательно. Во-первых, полное отсутствие советской власти, во-вторых, патриархальность, старинные вязы, солнышко, чирканье птичек. Мысли разные

Сергей Каледин родился в 1949 году в Москве. Закончил переводческое отделение Литературного института им. А.М.Горького. В достаточно благополучном течении его жизни бывали крутые повороты — служба в стройбате, работа могильщиком, а позже сторожем и истопником в деревенской церкви. Дебютировал в 1987 году в журнале «Новый мир» повестью «Смирненное кладбище», написанной во второй половине семидесятых. Затем последовали повести «Стройбат» (опубликована в 1989 после снятия длительного запрета военной цензуры), «Поп и работник. Сцены из приходской жизни» (1991). Эти вещи принесли писателю широкую известность и репутацию мастера «жесткой» реалистической прозы. Произведения Каледина переведены на большинство европейских языков, экранизировались и инсценировались.

приходили, но грустного в них не было. Я вообще заметил, что на Руси нет особого горя в связи с упокоением человека.

— К религии не потянуло?

— К ней тянуло всегда — она не обходит стороной, без нее жизнь не обидеть. Но при всем том я остаюсь человеком неверующим, некрещеным. Я уважаю религию за ее культуртрегерство, и мне очень нравится Иисус Иосифович. У него те же боли и страдания, что у меня, он такой же недоделанный, как мы все. Живое такое существо — и нервный, и глупый, и сомневающийся, и закомплексованный. Я о нем долго могу говорить.

— А писать?

— Пороху не хватит. Я умею писать, лишь выдергивая по ниточке из собственного опыта и судьбы.

— Есть ли такие нити, которые вы по тем или иным причинам выдернули?

— Например, одним из самых ярких впечатлений наряду со службой в церкви была работа в гидрологической партии, участвовавшей в разработке нашумевшего в свое время проекта поворота вспять течения наших крупнейших рек. С точки зрения моей личной жизни, то была великопепная пора, своего рода ремарковский период. Мы были молоды, девки красивые, мы стреляли сайгаков, ловили в Амударье двухметровых сомов, ночевали в юртах, пили, веселились. Однако, с точки зрения мироздания, наша деятельность может быть расценена только как греховная, недостойная, судьбоотрицательная. Мы же тогда ничего не сознавали, не предполагали, что, свершись задуманное, последствия были бы почище черномыслия. Слава Богу, нашелся такой человек, как Сергей Павлович Залыгин, в меру своих слабых сил предпринявший попытку этому противиться, расшевелив общественное мнение, и у него вышло. А ведь проектом в той или иной форме занимались около двадцати трех миллионов людей! Для того чтобы какое-то явление понять, необходимо посмотреть на него сбоку, вот и мне потребовался определенный срок, чтобы все осмы-

слить. Сразу я о том не написал, а дальше уже было поздно. Все ведь пишется только за счет молодости и юного куража.

— О чем хочется писать сегодня?

— О многом. Скажем, о поразившей меня истории итальянской миллионерши Адрианы, которая не могла родить и взяла черномыслия ребенка. Одна, не зная русского языка, приехала в Россию и отвозила свою будущую дочку три года. Сейчас Кате исполнилось восемнадцать лет, и она должна решить, какое гражданство примет. Мы виделись с Адрианой накануне Катиного дня рождения, и она сказала, что никоим образом не собирается влиять на выбор девушки, у которой на родине живет больная мать. Катя предпочла Италию. Я разговаривал с той женщиной и спросил, как она относится к тому, что дочь ее предала. Она ответила, что так не считает и по-настоящему счастлива, ибо дочь богата, хорошо устроена, учится, а видится она каждый год и почти ежедневно перезваниваются. Очень хочу об этом написать, но медлю, поскольку не чувствую до конца итальянской фактуры, и боюсь, что может получиться нечто из вторых рук. Зато сюжет о жизни и смерти нашего соседа Ленки Бельмондо — мой.

— Что, был похож?

— Чертовски, как две капли воды. Однажды я даже разыграл иностранную переводчицу, пригласившую ко мне в гости. Позвал Ленку в его задрюканном, замусоленном халате и попросил сидеть и молчать. Моя гостья входит: ах, Бельмондо! Я ей объясняю, мол, он в русском фильме снимается и решил пожить в наших реалиях... Я буду писать о том, как случилось, что из двух удивительно похожих людей один стал мировой знаменитостью, а другой свою жизнь загубил. Инженер, спортсмен, спился и умер. Здесь трагедия целого поколения. Они шли по накатанной лыжне, но ситуация резко изменилась, и они не сумели в нее вписаться. Озлобились. Ленка даже собственным детям начал завидовать. От злобы и помер. Страшно все это.

— Вы следите за современным литературным процессом?

— Да, внимательно читаю всю прессу.

— Что, на ваш взгляд, варится в литературном котле?

— Никакого котла нет, сплошная сумятица. Нет ни товарищества, ни дружбы, ни цеховой корпоративности. Если для Запада это норма в течение почти двухсот лет, то для нас — положение ненормальное. Настоящей литературы нет, потому к ней причисляют сочинения постмодернистов.

— Но существуют же Искандер, Маканин, Астафьев...

— Они, к сожалению, постарели, а старость для писателя — штука нехорошая. Разве что за исключением Льва Толстого.

— А ваше поколение?

— По-моему, мы уже отошли, так и не добравшись до большой литературы. Нет такого понятия, как литература моего поколения. Мы слишком долго добивались того, чтобы выйти в люди, слишком много было потрачено крови, пота, перхоти. Когда, наконец, выбились, то засели в домашних кабинетах и потеряли связь с жизнью. Мы толком не знаем предмета своего интереса, не представляем, что творится в деревне, на заводе, в посадской слободе. Мы много болтали раньше на кухнях, а всерьез художественно высказаться не смогли. Так, разные байки печатаем.

— В своем писательском становлении вы миновали андерграунд, что несколько необычно для ваших сверстников.

— Действительно, я развивался вне всяких тусовок. Их участникам, чтобы заявить о себе, были необходимы различные публичные акции. Меня это не привлекало.

— Но вас же не печатали. «Смирненное кладбище» лежало в столе.

— Ну и что, я писал другие вещи. У меня не было комплексов неполноценности, самолюбия, ненападения. Мне просто было любопытно писать. Кроме того, примешивался спортивный азарт — а на этот раз опубликуют или нет?

— Наверное, чтобы пребывать в таком расположении духа, необходим крепкий житейский тыл.

— Конечно. Житуха у меня была отличная. Все свои вещи я написал в Дубултах. Богатые мама, теща, жена кормили и поили меня, да еще твердили, какой я талантливый. Но самым главным в творческом плане для меня было признание «Смирненного кладбища» Василием Быковым. Я ездил к нему в Минск, попросил прочитать. Он довольно мрачно показал, куда положить рукопись — их там гора лежала. Вдруг через две недели получаю письмо, где сказано, что он прочитал с наслаждением, но что единственным утешением автора должно стать только осознание своего дара. И я обрел крылья — сам Быков!

— Для вас Быков — истинно крупный писатель. Кто еще?

— Искандер, Матевосян, Астафьев. Среди моих пристрастий — Гоголь, Довлатов и, разумеется, современные французы и англичанские, далеко нас обошедшие в мастерстве и умении сказать о тех же самых вещах четко, просто, не надуманно.

— Ваше отношение к феномену Виктора Пелевина?

— Яркий, натуральный писатель. То, что он мне не нравится, факт моей биографии, а не его. Кстати, отдельные главы «Чапаева и Пустоты» я читал, упиваясь его манерой, стилистикой. Подозреваю, однако, что ничего особо выдающегося он больше не создаст, поскольку, словно барышня, все время прикидывает, как выглядишь со стороны. Для нашего брата это невозможно. Писать надо откровенно, не думая, как ты отражаешься в зеркале.

— Из молодых кого-то выделяете?

— Пожалуй, Ермакова, Бакина, Галковского.

— В до сих пор присутствующем в нашей культуре противостоянии западники и славянофилы вы на чьей стороне?

— Я — человек центровой и вполне согласен с теми, кто считает, что основное в писательском ремесле и имидже не то, что он говорит в буфете Дома литераторов, на кухне или где-то еще по раздраженности, по пьяни или каким-то другим случайным поводам, а в том, о чем и как он пишет, какие мысли заложены в его вещах.